

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ, ИННОВАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ, PR-ТЕХНОЛОГИИ

УДК 329

А.А. Фоменков

СОВЕТСКИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ И НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИКИ – ДВЕ ГРУППИРОВКИ «РУССКОЙ ПАРТИИ» В ПЕРИОД ЗАСТОЯ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧИЯ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Статья посвящена особенностям идеологии двух наиболее крупных группировок русистов (советских славянофилов и советских национал-большевиков) в период «застоя». Анализируются особенности идейных взглядов наиболее значимых представителей данных групп. Сделаны выводы о плюсах и минусах воззрений советских славянофилов и советских национал-большевиков. Выявлены основные точки соприкосновения в идеологии данных групп.

Ключевые слова: советские славянофилы, национал-большевики, «Молодая гвардия», «деревенщики», «просвещённое мещанство», «американизм духа», антисоциализм.

В настоящее время общепризнанным является факт существования в период «застоя» достаточно аморфного русского правого движения, которое исследователи часто именовали и именуют «новая русская правая» или «русская партия». Оба этих термина неточны, так как никакого единства среди «русистов» или «русофилов» (наиболее часто встречающиеся самоназвания) не было, кроме того, ряд деятелей этого направления никак нельзя причислить к традиционным правым. Во всяком случае, признанные правые П. Бьюкенен и Ж.-М. Ле Пен со многими их идеями никак не согласились бы. Отметим также, что обе рассматриваемые нами в статье политические группировки являлись по сути неформальными, поскольку не имели фиксированного членства и общепризнанных программных документов. Анализировать особенности их идеологических доктрин можно прежде всего по отдельным литературным и публицистическим статьям, в которых авторы выражали не только своё личное мнение, но также и взгляды своих единомышленников.

Представляется, что «русистов» 1960-х – 1985 гг. имеет смысл подразделить на несколько групп. В данной статье речь пойдёт о двух из них, являвшихся наиболее значимыми. Первую составляли по преимуществу представители творческой интеллигенции, хотя, разумеется, ими дело не ограничивалось. Определить данное направление русистов можно как советско-славянофильское.

Вторую группу можно обозначить как национал-большевистскую (к нынешней организации, возглавляемой Э.В. Лимоновым не имеет никакого отношения, да и связь с идеями Н.В. Устрялова тоже не стопроцентная). Придерживались данного направления не только представители творческих профессий, но также многие партийные и комсомольские деятели, офицеры силовых ведомств.

В числе наиболее ярких представителей советских славянофилов следует прежде всего отметить писателей-почвенников. Они, в отличие от шестидесятников-западников, старались не только разоблачать преступления партии, но и восстанавливать русские культурные традиции и даже христианские нормы нравственности: например, Ф.А. Абрамов (трилогия

«Пряслины», 1958–1973), В.И. Белов («Привычное дело», 1966; «Плотницкие рассказы», 1968; «Кануны», 1972–1976; «Лад», 1979–1981), В.А. Солоухин («Письма из Русского музея», 1966; «Чёрные доски», 1969), В.Г. Распутин («Деньги для Марии», 1967; «Последний срок», 1970; «Живи и помни», 1975; «Прощание с Матёрой», 1976), Д.М. Балашов (начавший с 1975 года печатать исторические романы под общим названием «Государи Московские»), В.А. Чивилихин (роман-эссе «Память», 1978–1984), В.В. Шукшин («Калина красная») и ряд других.

Поскольку большинство из этих литераторов болело судьбами наиболее русской части народа – деревни, сохранившей национальный характер и традиции, критики стали их называть «деревенщиками». И хотя это слово было им приклеено как пренебрежительное – со временем оно, под внутренним воздействием их искреннего талантливого творчества, потеряло этот оттенок. «Деревенщики» качественно углубили нравственный прорыв в области отхода от «соцреализма», возвращая обществу традиционные критерии добра и зла; тиражи их книг исчислялись многими миллионами, имелись в любой библиотеке и были доступны каждому. Деятельность этих писателей, начатая в период «оттепели», продолжилась и после её прекращения и стала едва ли не главным культурным достижением 1950-х – 1980-х годов. Большинство из них стали также активными участниками русского патриотического движения [1].

Разумеется, можно указать тексты, где позиция советских славянофилов выражена более рельефно. Относится это прежде всего не к книгам, а к статьям в «толстых» литературных журналах. Первым среди них следует упомянуть о «письме трёх» – статье в журнале «Молодая гвардия» (именно это печатное издание с подачи своего главного редактора А.В. Никонова стало во второй половине 1960-х годов идеологическим центром русофилов [2]) видных деятелей культуры Сергея Конёнкова, Павла Корина и Леонида Леонова. «Письмо» было озаглавлено «Берегите святыню нашу!» [3]. Художники с большим патетическим накалом, который определил стиль патриотической публицистики на три десятилетия вперед, призывали к бережному отношению к русской культуре, под которой они понимали прежде всего культуру дореволюционную. Авторы требовали покончить с разрушением памятников древности, особенно при плановой застройке городов. В статье говорилось о необходимости сохранения и реставрации церквей и монастырей, внимания к старинной русской истории. В отношении атеистического режима, не поощрявшего объективного изучения истории вообще, а дореволюционной российской истории в особенности, этот текст был дерзостью, но санкций не последовало. В результате «молодогвардейцы» (то есть, редакционная коллегия журнала «Молодая гвардия») осмелели и в 1966–1969 годах дали очередь «почвенных» статей (например, «Просвещённое мещанство», «Великие искания», «Неизбежность» [4]), из-за которых журнал пострадала уже в начале 1970-х годов.

Авторами «почвенных» статей являлись Виктор Чалмаев, Юрий Иванов, Павел Глинкин, Михаил Лобанов, Анатолий Ланшиков и др. Представляется, что уместнее рассмотреть взгляды «молодогвардейцев» на примере работ В.А. Чалмаева и М.П. Лобанова, тем более что обоих авторов можно даже отнести к наиболее радикальным советским славянофилам.

В целом следует признать, что наиболее ярые советские славянофилы, с одной стороны, выступали за возвращение к русским духовным традициям (что никак нельзя оценивать отрицательно), с другой же, объективно шли против реальной действительности. В самом деле, в СССР в 1960-е годы уже всюду строилось де-факто общество потребления, в связи с чем ограничения на использование ряда товаров могло привести к бунтам. Перечень различных народных выступлений в СССР приведён, в частности, российским историком В. Козловым в его монографии об указанном явлении [5]. Как следствие, критика «американизма духа» и тому подобная очень хорошо выглядит «на бумаге», но на практике она вряд ли была актуальна. Утрируя, несовершенство подобных идей можно проиллюстрировать следующим способом. Пункт А. Дом, в котором живёт человек, должен быть построен в классическом

русском стиле или хотя бы с его элементами. Можно ли с данным положением согласиться!? Вполне. Пункт Б. Снабдить свой дом холодильником и прочими вещами, облагораживающими быт – это «просвещённое мещанство», «американизм духа» и т.п. Видимо, идея о том, что в доме, построенном в традиционном русском стиле, может находиться современная бытовая техника, не приходила в голову радикальных советских славянофилов.

Заметим также, что острые стрелы в адрес приобщающихся к западному образу жизни по большей части были направлены против самого западного образа жизни. Указанное обстоятельство не могло ни вести в тупик. В самом деле, а где была альтернатива? Это, судя по всему, понимал даже И.В. Сталин. Не случайно в СССР во многом заимствовали опыт Голливуда, яркими примерами чего могут служить киноленты «Волга – Волга», «Весёлые ребята» и многие мультипликационные фильмы. Последние по большей части параметров сходны с диснеевскими. В этой сфере СССР во многом даже обошёл своих «учителей», что объясняется огромным культурным пластом, накопленным за многовековую русскую историю. В архитектуре успехи были более скромными (имеется в виду опыт строительства сталинских высоток как ответ на небоскрёбы), однако сама тенденция была налицо и в этой сфере. Да и своя массовая культура, тоже по-своему пытавшаяся соответствовать западным стандартам, в СССР имела. При этом наличествовал в стране также массовый зритель и слушатель (одно из следствий урбанизации), которому как раз и требовались продукты масскульта по причине простоты восприятия таковых [6]. Отметим также, что отечественная массовая культура представляла собой по большей части «периферийный вариант обобщённого стандарта городской общеевропейской культуры» [7].

Отсюда вывод – альтернативный стиль советские славянофилы не предложили, а, следовательно, у них отсутствовало полноценное политическое будущее. Критические стрелы во многом были верны (хотя и далеко не во всём), в то время как их видение правильного образа жизни в СССР вряд ли было обречено на понимание большинством граждан.

Вряд ли следует согласиться с мнением о том, что советские славянофилы являлись антисемитами. Еврейский вопрос в целом интересовал их мало, так как главным вопросом, судя по всему, для них являлся русский. В то же время в отдельных случаях можно утверждать, что «еврей» для данной группы русистов был противником из категории политической (подобное выражение заимствовано нами у видных историков В.Г. Сироткина и В.В. Кожина, писавших, правда, про иную эпоху [8]), а не национальной. Прежде всего указанный тезис применим к борьбе с изменением архитектурного облика исторической части Москвы. В данном случае советские славянофилы отмечали этнический состав архитекторов (М.Я. Гинзбург, В.Г. Гельфрейх, Б.М. Иофан, В.А. Минкус, Л.З. Чериковер, З.М. Розенфельд, М.В. Посохин, Л.Б. Лунц, В.Г. Макаревич и др.), однако ни в коем случае не считали своими противниками всю еврейскую общину Москвы и, шире, СССР. И уж тем более у советских славянофилов не было планов «окончательного решения еврейского вопроса».

Наиболее слабым местом данной группы русистов можно признать пропагандируемую ими нелюбовь к «просвещённому мещанству». Означенному феномену трудно дать точное определение, однако в целом под ним следует понимать стремление к повседневному комфорту и излишне спокойной жизни. Если мерить категориями революционной ситуации или военного времени, то указанная жизненная позиция вряд ли может вызвать уважение, однако в условиях складывания в СССР общества потребления такого рода критика делала позиции советских славянофилов весьма уязвимыми. Вместе с тем, данная позиция сближала советских славянофилов с национал-большевиками, так как, несмотря на комфортность собственного быта, большинство последних активно поносили «просвещённое мещанство». Отметим также, что экономические вопросы мало занимали русистов (данные проблемы стояли в их идеологии едва ли на десятистепенном месте), но в целом они выступали за социалистическую экономику с национальной спецификой [9].

Относительно второй из обозначенных нами категорий русистов отметим, что одним из наиболее ярких её примеров являлась так называемая «группа Павлова» (имеется в виду С.П. Павлов – первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1959–1968), а затем председателя Госкомспорта СССР (1968–1975)). Считается, что в период руководства комсомолом указанный советский государственный деятель создал своего рода группировку прежде всего из числа собственных подчинённых. Идеалы данной группы являлись весьма эклектичными. С одной стороны, С.П. Павлов и его сторонники считали необходимым прививать у молодёжи интерес к трудам классиков марксизма-ленинизма [10], при этом уделяя большое внимание роли наследия русской культуры в воспитании подрастающего поколения [11]. Разумеется, они мыслили категориями советского патриотизма, не признавали никакого иного выбора, кроме социалистического. Никакого антисемитизма в своих публичных выступлениях «павловцы» не допускали, но сионизм клеймили весьма активно. Из противников внутри СССР одним из наиболее важных для них был журнал «Юность» [12]. Судя по всему, самая радикальная составляющая их идей ими публично не афишировалась.

В целом имеет смысл утверждать, что идеи «группы Павлова» основывались на «красном патриотизме» времён Гражданской войны, романтическом милитаризме периода «десяти сталинских ударов» (именно милитаристическая компонента по замыслу «павловцев», видимо, была призвана спасти советское общество от морального разложения), антисемитизме послевоенного времени, этнонационалистических мечтаниях о подавляющем доминировании этнических русских во всех сферах государственной и общественной жизни СССР, радикальном антизападничестве [13]. Из числа самых ярких национал-большевистских текстов периода «застоя» следует выделить возникший в рамках «Университета молодого марксиста» «Устав нравов», автором которого являлся В. Скурлатов, и роман видного советского литератора И. Шевцова «Тля» [14] (последний написан ещё в период «оттепели», однако взгляды автора уже в тот период были типично национал-большевистскими).

Относительно «Устава» укажем, что он был написан в 1965 году. Первый вариант этого документа состоял всего из восьми пунктов [15], исправленный и дополненный – из десяти [16]. Отметим также, что «Устав нравов» получил известность во многом благодаря помощи, оказанной сподвижниками его автора А.М. Рогановым, А. Вельшем, Ю. Жевлюком и Ю. Самсоновым [17].

Несмотря на небольшой объём, указанный документ весьма интересен по содержанию. Несколько постулатов его можно охарактеризовать как националистические – «следует решительно отмежеваться от разумного эгоизма, а в центр поставить сердце, голос крови», «связать эту борьбу с космической миссией своего народа», «первое место в истинном «моральном кодексе» должен занимать долг перед своими предками и потомками, долг перед своим народом». Отдельные положения представляют собой гимн милитаризму, причём далеко не в лучшем его проявлении – «продумать комплекс военизации молодёжи, начиная с начальной школы», «нет более подлого занятия, чем быть «мыслителем», «интеллигентом», премудрым пескарём, и нет более благородного дела, чем быть солдатом». Не обошлось и без древнеарийского влияния – «Для страховки нравственной чистоты народа следует придумать поощрение различным видам стратификации, кастования». Некоторые фразы выглядят вполне идеологически нейтральными – например, «С ранних лет увлекаться спортом», иные же – бредово («Лучшее половое воспитание – воспитание любви к Родине»). Имелось и откровенно средневековое мракобесие – «Не останавливаться вплоть до рекламы старинных крестьянских обычаев... телесные наказания отдающимся иностранцам, клеймение и стерилизация их». Учитывая то обстоятельство, что данный текст был во многом пронизан фашистской эстетикой и вызывающе милитаристским духом, «Устав нравов» на Западе часто

именовали первым документом русского фашизма [18]. Данная трактовка, естественно, «перекочевала» на страницы русскоязычных книг по этой проблеме [19].

Такого рода оценка, хотя и выглядит спорной, но, несомненно, имеет право на существование. Вместе с тем следует признать, что документ с подобной тональностью должен был неминуемо появиться в условиях начала складывания в стране общества потребления и превращения традиционной советской идеологии в несоответствующую запросам времени. В этой связи симптоматично, что «Устав нравов» возник в рамках «Университета молодого марксиста». Да уж, «кастование», «голос крови», «космическая миссия своего народа» – понятия в высшей степени марксистские! Впрочем, иного варианта «тюнинга» марксизма-ленинизма применительно к подрастающему поколению советских граждан, кроме как смеси из солдафонских и ксенофобских идей, многие партийно-советские деятели не видели. Отметим также, что в «Уставе нравов» ничего не говорилось о межнациональных отношениях, равно как и не рассматривались русские патриотические идеалы [20].

Необходимо подчеркнуть, что крайне важной составляющей национал-большевизма периода «застоя» был антисиионизм, что было особенно очевидно по тексту упомянутого нами романа «Тля». С одной стороны, борьба с сионизмом являлась одним из наиболее значимых проявлений антиамериканизма, так как в главном противнике СССР в «холодной войне» – США – еврейское лобби обладало и обладает огромным влиянием. С другой стороны, в СССР декларировались «дружба народов» и «создание новой общности – советский народ», то есть антисемитизм (несмотря на его наличие в закамуфлированной форме) не приветствовался – пример чему наличие в уже упомянутом выше романе «Тля» положительного героя-еврея. Однако для желающих антисемитизм можно было с лёгкостью замаскировать под антисиионизм.

Кроме того, патриотизм национал-большевиков отличался значительно большей казённостью, нежели патриотизм советских славянофилов. В определённой степени имеет смысл утверждать, что в основе патриотизма национал-большевиков лежала любовь к государству, самому большому и могущественному в мире, в то время как основой советского славянофильства была любовь к русскому народу и традиционному ландшафту его обитания (как естественному, так и искусственному). В определённой степени можно даже утверждать, что советские национал-большевики в первую очередь были именно БОЛЬШЕВИКАМИ (то есть советскими коммунистами), и лишь во вторую очередь являлись сторонниками русских националистических идей.

Разумеется, в некоторых случаях провести грань между национал-большевиками и советскими славянофилами было сложно. Наиболее яркие примеры – художник И.С. Глазунов и писатель А.А. Проханов. С одной стороны, русская составляющая в их произведениях и их деятельности была несомненно сильна (вдобавок оба они ни дня не состояли в КПСС – для Советского Союза, где не существовало никакой легальной возможности сделать карьеру, не состояв в партии, эти случаи выглядят почти фантастично), а, с другой стороны, оба они воспевали Империю (символично, что А.А. Проханова часто называли «соловей Генштаба» [21], а одно из его произведений, пусть и поздних, называется «Последний солдат империи» [22]).

Приблизительно столь же неявная грань между советским славянофильством и национал-большевизмом наблюдалась и у видного литератора С.Ю. Куняева. Так, например, фрагмент в его воспоминаниях о феномене «внутренней эмиграции» вполне можно считать типичным для советских славянофилов. Никакой КПСС, никакой казёнщины, только типично русские образы (деревня староверов под Архангельском и т.п.). Можно указать, что подбор даже сверхрусский, если такое вообще возможно (староверы до революции были едва ли не самой продвинутой частью великорусского этноса; люди, сохраняющие достоинство, что, кстати, вполне объяснимо – в тех краях никогда не было крепостного права; северные пейзажи, практически нетронутые техническим прогрессом). При таком описании «внутренняя

эмиграция» [23] обозначена С.Ю. Куняевым едва ли не как бегство от имперской казённости к себе домой, на настоящую Родину. В то же время читателю доступен и совсем другой С.Ю. Куняев – ярый противник творчества В.С. Высоцкого [24] и человек, критикующий русских национально мыслящих диссидентов за их антиимперскую позицию [25]. То есть, по сути для такого С.Ю. Куняева государство первично, а русский народ – вторичен. Именно такой подход, как уже отмечалось нами, характерен для национал-большевиков.

Резюмируя, следует признать, что в период «застоя» имели место попытки создания русской национально ориентированной идеологии. При этом между различными направлениями русской националистической мысли ещё отсутствовали антагонистические противоречия. Мало того, порой даже сами различия были неочевидны для сторонних наблюдателей.

Библиографический список

1. **Назаров, М.** Вождю Третьего Рима: к познанию русской идеи в апокалипсическое время / М. Назаров. – М.: Русская идея, 2005. С. 347–348.
2. **Лебедев, С.В.** Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем / С.В. Лебедев. – СПб.: Алетейя, 2007. С. 279–280.
3. Берегите святыню нашу! // Молодая гвардия. 1965. № 5. С. 216–219.
4. **Лобанов, М.** Просвещенное мешанство // Молодая гвардия. 1968. № 4; Чалмаев, В. Великие искания // Молодая гвардия. 1968. № 3; Чалмаев, В. Неизбежность // Молодая гвардия. 1968. № 9.
5. **Козлов, В.А.** Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневле / В.А. Козлов. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – 143 с.
6. См., напр.: Фролов, Д.П. Попса: упрощение институции и искусства / Д.П. Фролов // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 4. – С. 66.
7. **Соловей, В.** Русский миф / Валерий Соловей // Нева. 2007. № 2. С. 157.
8. **Сироткин, В.Г.** Вехи отечественной истории: Очерки и публицистика / В.Г. Сироткин. – М.: Международные отношения, 1991. – С. 52; Кожин, В.В. Черносотенцы / В.В. Кожин. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. – С. 212.
9. **Лебедев, С.В.** Указ. соч. – С. 286.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф.1-М. – оп. 34. – д. 17. – л. 33.
11. См., напр., РГАСПИ. – Ф. 1-М. – оп. 32. – д. 1152. – л. 96 – 102; РГАСПИ. – Ф. 1-М. – оп. 34. – д. 234. – л. 3, 25–26.
12. См., напр.: РГАСПИ. – Ф. 1-М. – оп. 34. – д. 17. – лл. 28, 58, 59.
13. **Митрохин, Н.** Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы / Н. Митрохин. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – С. 249.
14. **Шевцов, И.** Тля. Роман-памфлет / И. Шевцов. – М.: Советская Россия, 1964. – С. 150.
15. ЦАОПИМ. – ф. 4. – оп. 111. – д. 136. – лл. 14–16.
16. Там же. – лл. 17–19.
17. Там же. – лл. 11–12.
18. **Митрохин, Н.** Указ. соч. – С. 294.
19. См., напр.: Дейч, М. Коричневые / Марк Дейч. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. – С. 60.
20. **Кожевников, А.Ю.** Национально-патриотические течения в русской интеллигенции 1950-х – первой половины 80-х гг.: дисс.... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю.А. Кожевников. – М., 2004. – С. 69.
21. **Куклин, И.** Реакция диссоциации: легитимация ультраправого дискурса в современной российской литературе // Русский национализм: социальный и культурный контекст; сост. М. Ларюэль. – М.: Новое литературное обозрение, 2008 – С. 290.
22. **Проханов, А.** Последний солдат империи / А. Проханов. – М.: Ad Marginem, 2003. – 510 с.
23. **Куняев, С.** «Не сотвори себе кумира...» Статьи и дневники эпохи перестройки / С. Куняев. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1990. С. 57–60.
24. **Митрохин, Н.** Указ. соч. – С. 544.

25. Куняев, С. Поэзия. Судьба. Россия / С. Куняев // Наш современник. 1999. № 3. С. 176.

*Дата поступления
в редакцию 16.10.2012*

A.A. Fomenkov

**SOVIET SLAVOPHILS AND NATIONAL-BOLSHEVIKS –
TWO GROUPS OF «RUSSIAN PARTY» DURING STAGNATION PERIOD:
THE GENERAL AND THE DIFFERENCE**

Nishny Novgorod state university n.a. N.I. Lobachevsky

Subject, theme, purpose of the work: The article covers the ideological peculiarities of the two largest groups of rusists (Soviet slavophils and Soviet national-bolsheviks) in stagnation period.

Methodology: The methodology is based on the historical–descriptive analysis.

The results and their range of application: There are analyzed the specifics of ideological views of the most significant representatives in the above groups.

Value: The basic points of coincidence in the ideology of the said groups are revealed herein.

Conclusions: The conclusions are made on negative and positive aspects of Soviet slavophils and Soviet national-bolsheviks' opinions.

Key words: Soviet slavophils, national-bolsheviks, «Young Guard», «country upholders», «educated petty bourgeoisie», «americanistic spirit», anti-Zionism.